

имянно для того здесь не упоминаю, что надобно бы по малой мере оными наполнить целый том».³⁰

Критические возражения у Эмина вызвали и другие места сумароковского сочинения. Закончивший к этому времени третий том задуманного им обширного исторического труда, Эмин, по-видимому, считал себя вправе делать замечания своему противнику, демонстрируя его некомпетентность в области исторических изысканий. Несомненно, он чувствовал себя уязвленным перед лицом тех нападков на «чернь», постоянно противопоставляемую дворянству как единственному оплоту отечества, которые встречались чуть ли не на каждой странице труда Сумарокова. «Мне то больше всего удивительно, — замечает в заключение своего критического примечания Эмин, — что автор сего сочинения, стыдась тогдашних бунтов, утверждает, что сего дворяне никогда не делали. Изрядное ж он и о российской истории имеет понятие. А разве Милославский, знатный тогда боярин, его помощники Толстые, Сумбулов, Озеров и прочие (...) что были начинщики стрелецкого заговора, не были дворяне?»³¹

Но следует помнить, что отсылки к римской истории составляют лишь часть общего полемического контекста, объектом которого выступали, по всей вероятности, именно историки и публицисты («сумасбродные толкователи» о «превращениях»), причем имевшие общение с иностранцами, которые писали о России времен Петра I. Под эту категорию потенциальных оппонентов Сумарокова в равной степени подпадают и Ломоносов, снабжавший Вольтера сведениями об истории России времен Петра I, подготовивший ему, как мы знаем, специальный экстракт о стрелецких бунтах, и Татищев, лично знавший Страленберга и в середине 1720-х годов побывавший в Швеции; во время пребывания там занимавшийся историческими разысканиями для своего будущего труда.³²

Именно в книге Страленберга в главе 6 «О государствовании императора Петра Великого», представлявшей особый интерес для Вольтера, содержались утверждения, что до времени правления Петра «Россия даже до сего веку почиталась за варварской, языческой и татаром подобной народ и что оной ни к чему не способен».³³ Подобная оценка частично перешла в сочинение Вольтера. Кстати, у Страленберга, по-видимому, не бывавший в России Вольтер заимствовал известие о водобоязни Петра в раннем детстве, на что также счел необходи-

³⁰ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. СПб., 1769. Т. III. С. XVI.

³¹ Там же. С. XVII—XVIII.

³² О научных связях Татищева со шведскими историками подробно пишет А. И. Андреев в статье «Труды В. Н. Татищева по истории России» (*Татищев В. Н. История Российская*. М., Л., 1962. Т. I. С. 7—10).

³³ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М., Л., 1985. Ч. 1. С. 108.